

УДК 811.161.1'373.22:821.161.1 Пушкин

ГУКОВА Лина Николаевна,кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: gukova@inbox.ru; тел.: +38(048)7763407; моб.: +38-0982377116**ТРУШИЦЫНА Елена Александровна,**преподаватель кафедры общего и славянского языкознания Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: 1234512345qwerty51@gmail.com; тел.: +38(048)7565413; моб.: +38-0672644930

КОНЦЕПТ «ВРЕМЕНА ГОДА» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА А. С. ПУШКИНА

Аннотация. В статье представлен лингвокогнитивный анализ концепта «*времена года*» в языковой картине мира А. С. Пушкина. Исходными являются теоретические понятия антропоцентрической научной парадигмы о языке как средстве концептуализации, рационализации и репрезентации человеческого опыта. Исследуемый концепт рассматривается как фрагмент художественной картины мира гениальной языковой личности. Концепт квалифицируется как мыслительная категория, выявление которой возможно только благодаря языковой объективации, а художественная картина мира — как мировоззренческая система, особый склад мировидения, особый характер прочтения действительности. Внимание к временам года в творчестве А. С. Пушкина стимулировано его идеей о том, что «климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии». Концепт «*времена года*» представлен в статье как комплексная структура, состоящая из четырёх субконцептов, обладающих совокупностью понятийных, перцептивно-образных и личностно-оценочных компонентов. Принципом организации семантического пространства данного концепта в творческом наследии А. С. Пушкина является двойная бинарная оппозиция — общенародная и индивидуально-авторская. Отбор признаков, оценок и их презентация отражает русские национальные и индивидуально-авторские эстетические интенции.

Ключевые слова: концепт, время года, художественная картина мира, когнитивный признак, репрезентанты, семантическая оппозиция.

Антропоцентрическое направление, родившееся в отечественной лингвистике в конце минувшего века и активно развивающееся в XXI веке, открыло новые возможности в исследовании как общенародного языка, так и лингвистического потенциала отдельной языковой личности. В пространстве этой научной парадигмы язык рассматривается как «универсальная форма первичной концептуализации и рационализации человеческого опыта, выразитель и хранитель бессознательного, стихийного знания о мире, историческая память о социально значимых событиях в человеческой жизни» [10, с. 30].

Художественную картину мира мы, вслед за Л. А. Петровой, понимаем как «мировоззренческую систему, особый склад мировидения, особый характер прочтения действительности» [7, с. 15] писателем, хотя в ядре его индивидуально-авторского восприятия действительности присутствует «языковая картина мира народа, к которому он принадлежит и носителем языка которого является» [5, с. 6].

Действительность в картине мира народа и писателя определённым образом структурирована, а фрагменты её в науке получили разные терминологические именованья: концепты, фреймы, сценарии. Понятие «концепт» является дискуссионным. Многие исследователи считают, что концепт — это невербальная, мыслительная категория [9, с. 29–30], но выявление её содержания возможно только благодаря языковой объективации [6, с. 90–92].

Вопрос о том, как видит все четыре времени года один писатель и как это видение представлено в его творчестве, ещё не был предметом специального лингвистического исследования. Этим и обуславливается актуальность нашей работы. Материалом для изучения темы послужили поэтические, прозаические произведения и письма А. С. Пушкина.

Цель работы состоит в том, чтобы показать моделирование фрагмента картины мира с концептом «времена года», средства его выражения и специфику авторского отношения к его компонентам. При этом каждое из времён года может быть рассмотрено и как отдельный концепт. Но в связи с тем, что мы представляем видение А. С. Пушкиным годового цикла в целом и соотношение его сезонов в сознании поэта, то именуем *времена года* комплексным концептом, а каждый сезон в отдельности субконцептом. В содержании каждого субконцепта мы покажем основные составляющие семантики, их речевое воплощение и характерный для данной единицы компонент «переживаемости» [2, с. 66] — авторские личностные оценки.

Интересно, что А. С. Пушкин включал в свои произведения пейзажно-временные зарисовки не просто как компоненты хронотопа, — в одной из своих работ он совершенно чётко сформулировал идею о том, что «климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии» [10; 6, с. 238]. И наш анализ показывает, что времена года в их бинарной семантической оппозиции (зима — лето, осень — весна) представлены не только в сугубо климатическом и температурном аспектах, но также в личностно-оценочном восприятии поэта. Так, *зима* в произведениях А. С. Пушкина служит не только средством изображения

сезона, в условиях которого живут и действуют его персонажи, — это также весьма существенный компонент типичного русского пейзажа; это условия, которые формируют характер русских людей. И наконец, зима в разных её проявлениях является релевантной составляющей художественных коллизий в произведениях русского гения: понятие, лежащее в основе данного субконцепта, послужило темой ряда самостоятельных произведений А. С. Пушкина. А именно: стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?»; «Зимнее утро»; «Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Бесы»; повесть «Метель». В романах «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка» «зимние» фрагменты занимают значительное место и в количественном, и в качественном (содержательном) отношении. В семантическом пространстве [6, с. 8] субконцепта ЗИМА в произведениях А. С. Пушкина включено большое количество когнитивных составляющих, которые вербализуются с помощью более 100 слов — разных частей речи (более 2000 словоупотреблений). Все они объединены семьей «холодный»; при этом обобщающим является имя субконцепта — *зима*. Все другие, входя в его семантическое пространство, репрезентируют разные проявления данного сезона. А именно: представление о времени года (самое холодное); о пейзаже как внешнем облике природы в определенное время года; о разных агрегатных состояниях воды в это время года; об особенностях жизни человека зимой; о неблагоприятных или, напротив, благоприятных вторжениях зимы в судьбы людей; о зимних праздниках и забавах; о чертах характера и поведения людей [3, с. 284–291], образно соотносимых с зимними явлениями. Все слова, с помощью которых передаются когнитивные слагаемые зимы, метафорически тоже можно назвать «зимними».

Как показано в работах А. Н. Афанасьева, Е. Петровской, М. Н. Эпштейна, слово *зима* у народов Западной Европы связано с мотивами гибели, смерти; **снег** ассоциируется с сединой, старостью, умиранием [1; 8; 13]. Такие ассоциации отнюдь не чужды и носителям русского языка. Враждебность холода и мороза по отношению к человеку можем увидеть, например, у Н. А. Некрасова, да и у самого А. С. Пушкина: *Иль чума меня подцепит, Иль мороз окостенит* [Дорожные жалобы; 12, т. 1, с. 451].

«*Эй, пошёл, ямщик!...*» — «*Нет мочи: Коням, барин, тяжело; Вьюга мне слипает очи; Все дороги занесло...*» [Бесы; 12, т. 1, с. 475]. Зимний вечер у А. С. Пушкина омрачается злой вьюгой: *Вьюга злится, вьюга плачет* [Бесы; 12, т. 1, с. 476]. *Вот вечер: вьюга воет...* [Зима. Что делать нам в деревне? 12, т. 1, с. 452]. *Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...* [Зимнее утро; 12, т. 1, с. 453] и бурей, которая свирепа, как дикий зверь, и в то же время плачет, как дитя: *Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя, То, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя* [Зимний вечер; 12, т. 1, с. 362].

Русская зима, как показывает А. С. Пушкин, долгая и многоснежная: *Полгода снег да снег* [Осень; 12, т. 1, с. 520]; со свирепыми ветрами, трескучими морозами: *Какая ночь! Мороз трескучий...* [Какая ночь...; 12, т. 1, с. 399], метелями, буранами. В стихотворении «К Овидию» поэт говорит о *жестокости зимних бурь и пасмурном декабре: Уж пасмурный декабрь на русские луга Слогами растопил пушистые снега; Зима дышала там...* [К Овидию; 12, т. 1, с. 256].

И при этом А. С. Пушкин считает, что автор обязан хорошо знать предмет описания; он упрекает за неточности в изображении зимы, одного из своих любимых сезонов, Байрона, которого любит и называет «властителем наших дум». Поэт пишет: «Например, он [Байрон — Л. Г., Е. Т.] говорит о грязи улиц Измаила; Дон Жуан отправляется в Петербург *в кибитке, беспокойной повозке без рессор, по дурной каменистой дороге*. Измаил взят был зимою, в жестокий мороз. На улицах неприятельские трупы прикрыты были снегом, и победитель ехал по ним, удивляясь опрятности города: *Помилюй Бог, как чисто!*... Зимняя кибитка не беспокойна, а зимняя дорога не камениста» [Отрывки из писем, мысли и замечания; 12, т. 3, с. 445].

Образы *суровой зимы, трескучих морозов, пасмурного декабря, злой вьюги*, будучи вполне реалистическими, не являются преобладающими в русском сознании и в творчестве А. С. Пушкина. Введение их необходимо поэту скорее всего для того, чтобы привлечь внимание к подлинно национальному мировосприятию и тем чертам характера, которые проявляются в отмеченных суровых условиях, то есть реалистичность здесь сочетается с идейно-художественной интенцией.

Большая часть пушкинских «зимних эпизодов» репрезентирует оптимистическое восприятие всех сторон этого времени года, выполняя либо пейзажно-живописную, либо сюжетообразующую функцию, либо является частью художественного рассуждения. Негативные признаки зимы сочетаются с такими позитивными признаками, которые не только перекрывают отрицательный эффект первых, но и формируют, как правило, светлое (а иногда даже лучезарное) настроение всего текста. Так, *снег*, являющийся одной из основных когнитивных составляющих русской зимы, представлен у А. С. Пушкина как пухлая, чистая, ослепительная пелена — белый, волнистый, великолепный, блестящий ковёр: *Под голубыми небсами Великолепными коврами, Блестя на солнце, снег лежит...* [Зимнее утро; 12, т. 1, с. 453].

Снег символизирует зимнюю роскошь и чистоту. И мороз, и лёд, и метель, и «*синий небосклон*» у него *блестят, сияют*, радуют эстетическое чувство: *Блеснул мороз. И рады мы...* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 304]; *И речка подо льдом блестит* [Зимнее утро; 12, т. 1, с. 453]; *И перемётная метель блестит и вьётся...* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 285]. *Зима стояла грозно, И снег скрипел, и синий небосклон, Безоблачен, в звездах, сиял морозно* [Домик в Коломне; 12, т. 2, с. 69].

Зимнее утро с морозом и солнцем знаменует **чудесный день: Мороз и солнце! День чудесный!** [Зимнее утро; 12, т. 1, с. 453]. Зима в романе «Евгений Онегин» характеризуется как *волшебница*, как *матушка: Вот север, тучи нагоняя, Дождил, завыл — и вот сама Идёт волшебница зима...* (Заметим попутно, что *волшебница*, в отличие от слов *колдунья, ведьма*, — слово с положительной

коннотацией: 'добрая чародейка'). А дальше: *Блеснул мороз. И рады мы проказам матушки зимы* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 304].

А. С. Пушкин показывает, что зима дает возможность всем, даже детям, проверить себя, свою выносливость: *Шалун уж заморозил пальчик: Ему и больно и смешно, А мать грозит ему в окно* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 200]. Взрослым же совсем не страшны «косматые дружины» зимы: *Когда могущая зима, Как бодрый вождь ведёт сама На нас косматые дружины Своих морозов и снегов, — Навстречу ей трещат каминны, И весел зимний жар пиров* [Пир во время чумы; 12, т. 2, с. 482-483].

В то же время, в произведениях А. С. Пушкина очень много прямых утверждений в форме предложений, презентующих личностное отношение лирического героя к зиме и её проявлениям, в том числе и весьма суровым. Например, сопоставляя разные времена года в стихотворении «Осень», автор сообщает о том, что любит и начало зимы с её первыми морозами, и её более суровые проявления, и зимние забавы: *Люблю я ... первые морозы, И отдалённые седой зимы угрозы... Суровою зимой я более доволен, Люблю её снега* [Осень; 12, т. 1, с. 520-521]. А в поэме «Медный всадник» видим нарастающую градацию в выражении любви к зимним проявлениям: *Люблю зимы твоей жестокой Недвижный воздух и мороз, Бег санок вдоль Невы широкой, девичьи лица ярче роз...* [Медный всадник; 12, т. 2, с. 174]. Любит зиму и трепетнейшая из пушкинских героинь — Татьяна Ларина: *Татьяна (русская душою, сама не зная почему) С её холодною красотою Любила русскую зиму, На солнышке иной в день морозный, И сани, и зарёю поздней Сиянье розовых снегов, И мглу крещенских вечеров* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 200]. Конструкция с глаголом *любить* (в разных его формах) весьма частотна и в отношении к анализируемому явлению, и, как покажем далее, для характеристики отношения к другим временам года.

Зима, судя по произведениям А. С. Пушкина, предоставляет много возможностей для движения и активизации жизненных сил, что делает эту холодную и суровую пору праздничной, весёлой, полезной для здоровья, приносящей много радостей. Это эксплицируется словами *радость, радостный, праздник, весёлый, весело*, восклицательными предложениями, которые маркированы не только интонационно, но и формально-грамматически — частицами *как, то-то*; риторическими вопросами. *Мальчишек радостный народ коньками звучно режет лёд...* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 255]; *Как весело, обув железом острым ноги, Скользят по зеркалу стоячих, ровных рек! А зимних праздников блестящие тревоги?..* [Осень; 12, т. 1, с. 520]; *Настали святки. То-то радость!* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 262]; *Как лёгкий бег саней с подругой... быстр и волен...* [Осень; 12, т. 1, с. 520].

Экспликацию и акцентуацию национально-культурного семантического компонента и компонента своей общности с народом А. С. Пушкин осуществляет путём введения определений *русский, наш* и личного местоимения *мы*. И в целом ряде «зимних сюжетов» содержатся утверждения о том, что холод, мороз, снег, вьюги, бури не только не вредны русским, но даже полезны, «укрепительны», что они украшают русского человека: *И дева в сумерки выходит на крыльцо: Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо! Но бури севера не вредны русской розе. Как жарко поцелуй пылает на морозе! Как дева русская свежа в пыли снегов!* [Зима. Что делать нам в деревне?; 12, т. 1, с. 453]. *Здоровью моему полезен русский холод* [Осень; 12, т. 1, с. 521]. *Полезен русскому здоровью Наш укрепительный мороз: Ланиты, ярче вешних роз, Играют холодом и кровью* [Как быстро в поле...; 12, т. 1, с. 440-441].

Россия — край снегов — представлена у А. С. Пушкина как страна, благодатная для творчества. Вот как в виде загадки он говорит о своём друге А. А. Дельвиге: *Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы? В веке железном, скажи, кто золотой угадал? Кто славянин молодой, грек духом, а родом германец? Вот загадка моя...* [Кто на снегах возрастил...; 12, т. 1, с. 445]. А обращаясь к персидскому поэту Фазиль-Хану, А. С. Пушкин призывает его к творческой активности на лоне «северных снегов»: *Ты посетишь наш край полночный, Оставь же след... Цветы фантазии восточной рассыпь на северных снегах* [Благословен твой подвиг новый...; 12, т. 1, с. 460].

Семантический противочлен зимы — субконцепт *лето* — представлен в произведениях А. С. Пушкина, напротив, совсем лаконично, что объясняется сослагательно-условным модальным отношением автора к этому времени года. Мотивируется это так: *Ох, лето красное! любил бы я тебя, Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи. Ты, все душевные способности губя, Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи; Лишь как бы напоить да освежить себя — Иной в нас мысли нет...* [Осень; 12, т. 1, с. 520-521]. *За весной, красной природы, Лето знойное пройдёт* [Цыганы; 12, т. 2, с. 64].

Как видим, русское лето, хотя оно и «красное» = 'красивое', отличается по А. С. Пушкину, зноем, краткостью, губительным воздействием на «душевные способности» человека; и последнее, пожалуй, наиболее существенно для поэта. Этим же объясняется и то, что с летними картинами мы встречаемся в творчестве поэта значительно реже. Лето представлено на фоне типичной для России, северной природы — в её оппозиции природе южной: *Но наше северное лето, Карикатура южных зим, Мелькнёт и нет: известно это, Хоть мы признаться не хотим* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 254].

Лето (на которое приходится меньшее число упоминаний в пушкинских текстах — в сравнении с другими субконцептами) задает противоположный зиме семантический разворот судьбы. Вопреки динамическому развёртыванию зимних любовных коллизий лето предстаёт ловушкой судьбы — гибелью и холодным русалочьим инобытием — псевдожизнью героини в пьесе «Русалка» и балладе «Яныш Королевич». Летняя любовь — губительное искушение для души, ведущее к измене своей избраннице,

обету, судьбе, а потому губит душу (эта сема лежит в основании ряда летних событий в пушкинских текстах).

В такой же оппозиции представлены субконцепты *осень* — *весна*; в ней сильным членом является компонент *осень*, а слабым — *весна*.

Дескриптором субконцепта *осень* является слово *осень*, именуемое сезон, который следует за летом и предшествует зиме. Это время увядания природы. В словаре В. И. Даля *осень* толкуется так: «от «осенять» — затенять: наступление сумрака. Осень — переходный сезон, когда заметно уменьшение светового дня и постепенно понижается температура окружающей среды [4, т. 2: с. 160].

Грамматический состав репрезентантов *осени* несколько меньше — в сравнении с сильным членом предшествующей оппозиции (*зимы*). Субконцепт *зима* даже в секторе его дескриптора представлен более разнообразно: именами существительными (*зима, зимовка, зимовье*), прилагательным (*зимний*), глаголом (*зимовать*), наречием (*зимой*). А в грамматико-дескриптивном участке субконцепта *осень* представлены только существительное (*осень*), прилагательное (*осенний*), наречие (*осенью*). Но состав чувственно воспринимаемых когнитивных признаков и авторских оценок *осени* так же широк, как и у субконцепта *зима*.

Среди температурных и сугубо климатических признаков осени отмечаются, как и у зимы, *холод* и *ненастье*, хотя проявляются они по-разному: зима светлая, а осень — *дождливая, гнилая*, её признаки — *грязь, туман, ветер, мелкий снег, вой волков, скука*. **И туман и непогоды Осень поздняя несёт:** [Цыганы; 12, т. 2, с. 164]. *Под вечер, осенью ненастной, В далёких дева шла местал...* [Романс; 12, т. 1, с. 75]. *Дождил осенний хлад — дорога промерзает. Журча, ещё бежит за мельницу ручей* [Осень; 12, т. 1, с. 520]. *В деревне скучно: грязь, ненастье, Осенний ветер, мелкий снег Да вой волков* [Граф Нулин; 12, т. 2, с. 80].

Но всё-таки это только внешние признаки осени. Писатель же противопоставляет узуальное и своё, личностное отношение к этому времени года: *Дни поздней осени бранят обыкновенно, Но мне она мила, читатель дорогой...* [Осень; 12, т. 1, с. 521]. *И с каждой осенью я расцветаю вновь; Здоровью моему полезен русский холод* [Осень; 12, т. 1, с. 521].

По мнению А. С. Пушкина, осень — благотворное время года и для природы (*Да не вредят полям опасный хлад дождей И ветра позднего осенние набеги* [Домовому; 12, т. 1, с. 203], и для человека — в частности, поэта: *...Настала осень золотая, Природа трепетна, бледна, Как жертва, пышно убрана...* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 304].

А. С. Пушкин видит поэтические черты в увядании осенней природы: желтеющая листва деревьев окрашивается у него «в багрец и золото», увядание природы ему видится *пышным и чарующим*. Это любовное восприятие осени человеком, который преподносит читателю даже и печальные признаки данного времени года как поэтические. Как и зиму, русский гений любит осень: **Унылая пора! очей очарованье! Приятна мне твоя прощальная краса — Люблю я пышное природы увяданье, В багрец и в золото одетые леса, В их сенях ветра шум и свежее дыханье, И мглой волнистою покрыты небеса. И редкий солнца луч, и первые морозы, И отдалённые седой зимы угрозы...** [Осень; 12, т. 1, с. 521].

Он любит *осень* даже больше, чем зиму, — за то, что в эту пору поэта посещает вдохновение и ему «любо писать»: *В мои осенние досуги, В те дни, как люблю мне писать, Вы мне советуете, други, Рассказ забытый продолжать* [В мои осенние досуги; 12, т. 1, с. 578]. Именно в эту пору: *...мысли в голове волнуются в отваге, И рифмы лёгкие навстречу им бегут, И пальцы просят к перу, перо к бумаге, Минута — и стихи свободно потекут* [Осень; 12, т. 1, с. 522].

Репрезентация центральной зоны субконцепта *весна* — зоны дескрипторов — осуществлена существительным *весна* (во всех его формах), прилагательным (*весенний*) и наречием (*весной*).

Существительное *весна* А. С. Пушкин употребляет в нескольких значениях:

- а) в прямом значении — ‘время года между зимой и летом’;
- б) в переносном значении — ‘год’;
- в) в переносном значении — ‘юность’, ‘молодость’.

Примеры употребления в 1-м значении: *Прошлой весной Юною Хлою Вздумал любить* [Измены; 12, т. 1, с. 74]. *Его прошедшею весной Свезли на барке.* [Медный всадник; 12, т. 2, с. 184]. В этом значении существительное *весна* почти всегда употребляется в сопровождении определений, обозначающих именно временной этап (*прошлая, прошедшая*) или качественные характеристики: *тёплая, блеснувшая весна*.

Примеры употребления во 2-м значении, в значении ‘год’. *С пятнадцатой весной, Как лилия с зарею, Красавица цветёт* [Фавн и пастушка; 12, т. 1, с. 166]. *Встречаюсь я с осмнадцатой весной. В последний раз, быть может, я с тобой* [Князю А. М. Гончарову; 12, т. 1, с. 158].

Примеры употребления в 3-м значении — в значении ‘юность, молодость’:

Куда, куда вы удалились, Весны моей златые дни [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 283]. *Я был свидетелем златой твоей весны; Тогда напрасен ум, искусства не нужны* [Я был свидетелем; 12, т. 1, с. 371].

В таком же (переносном) значении — ‘молодость, хорошая пора жизни человека’ — употребляется у А. С. Пушкина и слово *лето*. И в этом значении *весна* и *лето* употребляются контактно: *Уж я не тот любовник страстный, Кому дивился прежде свет: Моя весна и лето красно Навек прошли, пропал и след* [Старик; 12, т. 1, с. 17].

Весна, как известно, тёплое время года. Поэтому когнитивные признаки этого ряда обозначаются словами *тепло, тёплый, теплеть*. И мы наблюдаем словосочетания *весенняя тёплая пора, тёплая*

весна и под. *Свет наш солнышко! Ты ходишь Круглый год по небу, сводишь Зимы с тёплой весной, Всех нас видишь пред собой* [Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях; 12, т. 1, с. 644]. *Как весенней тёплой порою Из-под утренней белой зорюшки Что из лесу, из лесу, из дремучего Выходила медведиха* [Сказка о медведихе; 12, т. 1, с. 604].

Чрезвычайно ценным качеством пушкинской поэзии является то, что она представляет особенности анализируемых времен года именно в России. Так, о весне поэт сообщает, что она «на севере нашем суровом **кратко царствует**»: *Благословен твой подвиг новый, Твой путь на север наш суровый, Где кратко царствует весна* [Благословен твой подвиг новый; 12, т. 1, с. 460].

С психологических позиций А. С. Пушкин характеризует весну как *сладостную, золотую, красную 'красивую'*, как *красу природы, пору любви*: *До сладостной весны Простился я с блаженством и душою* [Осеннее утро; 12, т. 1, с. 176]. *Свидетели минувших дней забавы! Забыты вы до сладостной весны!* [Осеннее утро; 12, т. 1, с. 132]. *Вы помните ль то розовое поле, Друзья мои, где красной весной, Оставив класс, резвились мы на воле И тешились отважною борьбой?* [Гавриилиада; 12, т. 2, с. 34].

Для всех весна — прекрасное время года (когда православные отмечают светлейший из праздников — Пасху), это *дорогая гостья*: *Взлетела первая пчёлка, Полетела по ранним цветочкам, О красной весне поразведать, Скоро ль будет гостья дорогая* [Ещё дуют холодные ветры; 12, т. 1, с. 422]. *На волю птичку выпускаю При светлом празднике весны* [Птичка; 12, т. 1, с. 291]. В числе климатических признаков весны — *тающий снег, оттепель, грязь*, но в то же время и *зелень, первые цветы, вернувшиеся с юга птицы*: *В безмолвии садов, весной, во мгле ночей, Поёт над розою восточный соловей* [Соловей и роза; 12, т. 1, с. 395].

Однако для художественной картины мира писателя важным, релевантным оказывается не исчерпывающий перечень признаков того или иного явления, а их избирательность; не общая, а индивидуальная, личностная оценка явления, его субъективная «переживаемость». В письме жене А. С. Пушкин пишет: *Теперь у нас опять мороз, весну-дуру мы опять спровадили в бурю. Что у нас за погода! Дни жаркие, с утра маленькие морозы — роскошь!* [Письмо Н. Н. Пушкиной; 12, т. 10, с. 155].

Таким образом, в характеристиках зимы и осени часто функционируют восклицательные высказывания с частицами *как, то-то, что за*; со словами *веселый, весело, радость, радостно, вольный, чудесный, проказы, роскошь* (хотя есть и грустные эпизоды); утвердительные предложения с глаголом *люблю*: *Мальчишек радостный народ коньками звучно режет лёд...* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 255]; *Как весело, обув железом острым ноги, Скользят по зеркалу стоячих, ровных рек! А зимних праздников блестящие тревоги?..* [Осень; 12, т. 1, с. 520]; *Настали святки. То-то радость!* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 262]; *Как лёгкий бег саней с подругой... быстр и волен...* [Осень; 12, т. 1, с. 520].

А в обобщающей характеристике весны, несмотря на то, что она *красная, сладостная*, что это *пора любви*, преобладают слова эгегической тональности: *скука, скучный, тоска, тяжело, болен*; используется общеотрицательное высказывание *Я не люблю весны*: *Весна, весна, пора любви, Как тяжело мне твоё явленье... Всё, что лжует и блестит, наводит скуку* [Весна, весна, пора любви; 12, т. 1, с. 410]. *Я не люблю весны; Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен; Кровь бродит, чувства, ум тоскою стеснены...* [Осень; 12, т. 1, с. 520].

Обобщение характеристик субконцептов, составляющих семантическое пространство концепта *времена года* в дискурсе А. С. Пушкина, позволяет сделать вывод, что на базе обобщающей оппозиции *зима — лето, осень — весна* в художественной картине мира поэта функционирует его индивидуально-авторская оппозиция *холодные — тёплые сезоны*, в которых сильным членом являются первые, а слабым, соответственно, вторые. И хотя любимыми являются прохладные времена (*люблю зимы твоей жестокой недвижный воздух и мороз; люблю я пышное природы увяданье*), в этой диаде тоже есть признак, позволяющий сформулировать предпочтение, — это отношение с музой, вдохновением: зимой — *«ко звуку звук нейдёт... Теряю все права над рифмой»* [Зима. Что делать нам в деревне?; 12, т. 1, с. 452], а осенью — *«пробуждается поэзия во мне... И рифмы лёгкие навстречу ... бегут»* [Осень; 12, т. 1, с. 522].

Таким образом, анализ того, какими функционально-семантическими и синтаксическими средствами репрезентируются когнитивные составляющие концепта *времена года* в творчестве А. С. Пушкина, позволяет нам выявить климатические, пространственные, психологические и эстетические представления автора, которые связаны с данным явлением, его использование данного концепта для изображения русского характера, но прежде всего — перед нами фрагмент художественной картины мира русского гения. Его оценки времён года осуществляются не столько с научных или обиходных позиций, сколько с позиций творческой личности: насколько тот или иной сезон, во всей совокупности его признаков, вдохновляет, мобилизует творческую активность писателя.

Литература

1. Афанасьев А. И. Поэтические воззрения славян на природу / А. И. Афанасьев. — М., 1865–1896. — Т. 1–3.
2. Воркачёв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачёв // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64–72.
3. Гукова Л. Н. Концепт *зима* в языковой картине мира А. С. Пушкина / Л. Н. Гукова // А. С. Пушкин и мировой литературный процесс: сб. науч. ст. по материалам науч. конф., посвящ. памяти проф. А. А. Слюсаря. — О.: Астропринт, 2002. — С. 284–292.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. — М.: Рус. яз., 1981.

5. *Иванова Л. П.* Пособие к спецкурсу «Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»)» / Л. П. Иванова. — К.: Освіта України, 2006. — 140 с.
6. *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков [и др.]. — М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. — 245 с.
7. *Петрова Л. А.* Лингвокогнитивные основы художественной картины мира: монография / Л. А. Петрова. — Симферополь: ОАО «СГТ», 2006. — 284 с.
8. *Петровская Е. О.* О выявлении некоторых ключевых ассоциативных мотивов пушкинской поэзии при обучении иностранцев чтению художественного текста / Е. О. Петровская // III Международный симпозиум МАПРЯЛ по лингвострановедению: тез. докл. и сообщ. — О.: ОГУ, 1989. — Ч. I. — С. 139–141.
9. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. — 314 с.
10. *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / [отв. ред. Б. А. Серебренников]. — М.: Наука, 1988. — С. 8–86.
11. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. — М.: АН СССР, 1976.
12. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 3 т. / А. С. Пушкин. — М.: Худ. лит., 1985–1987.
13. *Эпштейн М. Н.* Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн. — М.: Высш. шк., 1990. — 304 с.

References

1. *Afanas'ev A. I.* Poeticheskie vozzrenija slavian na prirodu / A. I. Afanas'ev. — M., 1865–1896. — Т. 1–3.
2. *Vorkachjov S. G.* Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii / S. G. Vorkachjov // Filologičeskie nauki. — 2001. — № 1. — S. 64–72.
3. *Gukova L. N.* Koncept zima v jazykovoju kartine mira A. S. Pushkina / L. N. Gukova // A. S. Pushkin i mirovoj literaturnyj process: sb. nauch. st. po materialam nauch. konf., posvjash. pamjati prof. A. A. Sljusarja. — O.: Astroprint, 2002. — S. 284–292.
4. *Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 t. / V. I. Dal'. — M.: Rus. jaz., 1981.
5. *Ivanova L. P.* Posobie k spekursu «Otobrazhenie jazykovoj kartiny mira avtora v hudozhestvennom tekste (na materiale romana A. S. Pushkina «Evgenij Onegin»)» / L. P. Ivanova. — K.: Osvita Uktayiny, 2006. — 140 s.
6. *Kubryakova E. S.* Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'jankov [i dr.]. — M.: Filol. fak. MGU im. M. V. Lomonosova, 1996. — 245 s.
7. *Petrova L. A.* Lingvokognitivnye osnovy hudozhestvennoj kartiny mira: monografija / L. A. Petrova. — Simferopol': ОАО «СГТ», 2006. — 284 с.
8. *Petrovskaja E. O.* O vyjavlenii nekotoryh ključevykh asociativnyh motivov pushkinskoj poezii pri obuchenii inostrancev chteniju hudozhestvennogo teksta / E. O. Petrovskaja // III Mezhdunarodnyj simpozium MAPRJaL po lingvostрановедению: тез. докладов i soobshhenij. — O.: OGU, 1989. — Ch. I. — S. 139–141.
9. *Popova Z. D.* Kognitivnaja lingvistika / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — M.: AST: Vostok–Zapad, 2007. — 314 s.
10. *Postovalova V. I.* Kartina mira v zhiznedejatel'nosti cheloveka / V. I. Postovalova // Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: jazyk i kartina mira / otv. red. B. A. Serebrennikov. — M.: Nauka, 1988. — S. 8–86.
11. *Pushkin A. S.* Sobranie sochinenij: v 10 t. / A. S. Pushkin. — M.: AN SSSR, 1976.
12. *Pushkin A. S.* Sobranie sochinenij: v 3 t. / A. S. Pushkin. — M.: Hud. lit., 1985–1987.
13. *Epshtejn M. N.* Priroda, mir, tajnik vselejnoj... Sistema pejzaznyh obrazov v russkoj poezii / M. N. Epshtejn. — M., 1990.

ГУКОВА Ліна Миколаївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: gukova@inbox.ru; тел.: +38(048)7763407; моб.: +38-0982377116

ТРУШИЦІНА Олена Олександрівна,

викладач кафедри загального і слов'янського мовознавства Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: 1234512345qwerty51@gmail.com; тел.: +38(048)7565413; моб.: +38-0672644930

КОНЦЕПТ «ПОРИ РОКУ» В ХУДОЖНІЙ КАРТИНІ СВІТУ О. С. ПУШКІНА

Анотація. Стаття представляє лінгвокогнітивний аспект концепту «пори року» у мовній картині О. С. Пушкіна. Вихідними є теоретичні поняття антропоцентричної наукової парадигми про мову як про засіб концептуалізації, раціоналізації та репрезентації людського досвіду. Концепт, що досліджується, розглядається як фрагмент художньої картини світу геніальної мовної особистості. Концепт кваліфікується як мисленнєва категорія, виявлення якої можливе лише завдяки мовній об'єктивації, а художня картина світу — як світоглядна система, особливий склад світосприйняття, особливий характер читання дійсності. Увага до пір року у творчості О. С. Пушкіна стимульована його ідеєю про те, що «клімат, вид правління, віра дають кожному народові його особливу фізіономію, яка більш чи менш відображається у дзеркалі поезії». Концепт «пори року» подано у статті як комплексну структуру, що складається з чотирьох субконцептів, які мають сукупність поняттєвих, перцептивно-образних та особистісно-оцінних компонентів. Принципом організації семантичного простору цього концепту у творчій спадщині О. С. Пушкіна є подвійна бінарна опозиція — загальнонародна та індивідуально-авторська. Відбір ознак, оцінок та їх презентація віддзеркалюють російські національні та індивідуально-авторські естетичні інтенції.

Ключові слова: концепт, пори року, художня картина світу, когнітивна ознака, репрезентанти, семантична опозиція.

Lina N. GUKOVA,

Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: gukova@inbox.ru; phone: +38(048)7763407; cellphone: +38-0982377116

Elena A. TRUSHICINA,

lecturer of the General and Slavic Language Science Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: 1234512345qwerty51@gmail.com; phone: +38 (048) 7565413; cellphone: +38 067 2644930

SEASONS' CONCEPT IN PUSHKIN'S ARTISTIC WORLDVIEW

Summary. This article presents the linguo-cognitive analysis of the four seasons' concept in the Alexander Pushkin's works. The basis is the theory of the anthropocentric scientific language paradigm as a human's experience tool of conceptualization and

rationalization. The mentioned concept is a fragment of a great person's artistic worldview. This concept has been qualified as a cogitative category, its detection is possible only due to lingual activation; and the artistic worldview as a worldview system, a unique way to watch the world, a special sense of reality perception. Pushkin pays a special attention to seasons in his creative work due to the following idea: «the climate, the kind of reign and religion give a special physiognomy to each folk and this physiognomy is more or less reflected in a poetry mirror». The seasons' concept has been presented in this article as a composite structure consisting of four subconcepts, which characterized as a set of notional, perceptive-image and personally-attitudinal components. The main principle is dual binary opposition — a common-folk one and author's personal one. The selection of features, appreciations, presentation displays the Russian national and author's individual esthetic intents.

Key words: concept, the four seasons, artistic worldview, cognitive feature, representants, semantic opposition.

Статью получено 14.04.2014 г.

УДК 811.161.1'23:791.43/.45:347.517.1

КОССАКОВСКА-МАРАС Мария,

кандидат филологических наук, адъюнкт кафедры русского языка Жешувского университета;
Жешув, Польша;

e-mail: kossakowska-maras@wp.pl; тел. моб.: +48 600363792

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *ДОМ* В СОВЕТСКОМ И СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме репрезентации концепта *дом* в советском и современном российском кинематографе. В статье представлен обзор различных классификаций концептов. Рассматриваются три основных направления в понимании концепта в современной лингвистике: лингвистическое, культурологическое и когнитивное. Лингвистический подход представлен подходом С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачёва, В. Н. Телия, культурологический подход — концепциями Ю. С. Степанова, Г. Г. Слышкина, когнитивный подход — точкой зрения Е. С. Кубряковой и В. А. Масловой. Отдельно рассматривается концепт *дом* как один из важнейших в русской языковой картине мира и представляющий собой важное значение в системе ценностных ориентиров русских людей с древних времён. Квартирный вопрос был проблемой и в советское время, и в современной России. Жилищная проблема отразилась во многих произведениях советского и современного российского кинематографа. В статье приводятся примеры квартир и домов, таких как *коммуналка*, *хрущёвка*, *брежневка*, *рабочее общежитие*, *сталинская высотка*, *элитный дом*, *современный коттедж*, представленные в самых известных фильмах советского и современного российского кинематографа.

Ключевые слова: концепт, типология концептов, концепт *дом*, кинематограф, квартирный вопрос, советское кино, современное российское кино.

Концепт как всякий сложный когнитивный лингвосоциальный конструкт не имеет однозначного толкования в науке о языке на современном этапе её развития. Концепт — категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это даёт большой простор для её толкования. Категория концепта фигурирует сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов и несёт на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций.

Мнения учёных совпадают в том, что концепт — сложное многоуровневое по своему строению явление. Ю. С. Степанов отмечает сложность структуры концепта: *С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия ..., с другой стороны, в структуру концепта входит всё то, что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.* [13, с. 43].

В современной лингвистике можно выделить три основных направления (подхода) к пониманию концепта: лингвистическое, культурологическое, когнитивное.

Лингвистический подход представлен точкой зрения С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачёва, В. Н. Телия. Представители данного подхода считают, что концепт как продукт человеческой мысли «реконструируется» через своё языковое выражение и внеязыковое значение. Под концептом С. А. Аскольдов понимал *мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода* [1, с. 267]. Д. С. Лихачёв предлагает называть крупную структурную организацию концептов *концептосферой* [7, с. 3]. Для Д. С. Лихачёва концепт — это заместитель *каждого основного (словарного) значения отдельно*. Учёный предлагает считать *концепт своего рода «алгебраическим» выражением значения (алгебраическим выражением или «алгебраическим обозначением», которым мы оперируем в своей письменной и устной речи* [7, с. 4]. По мнению В. Н. Телия, концепт — это *всё то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии этого знания* [14, с. 97]. В целом, представители данного направления понимают концепт как весь потенциал значения слова вместе с его коннотативным элементом.

По мнению представителей культурологического подхода — Ю. С. Степанова, Г. Г. Слышкина и др., концепт трактуется как *микромодель культуры*. Вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Концепт трактуется как основная ячейка культуры в ментальном мире человека. *Концепт, являясь основной ячейкой культуры в ментальном мире человека, не только мыслится, но и переживается, являя собой предмет эмоций, симпатий и антипатий,*